

Не все ли равно, про кого говорить? Достоин того каждый из живших на земле.

ИВАН БУНИН

И С Т О К И

Истоки наши во мраке, а устье — сам мрак. Как бы мизерабельна ни была жизнь человека, в ней всегда есть место движению и свету. Мрак же — это вечный покой и непроглядная тьма. Говорить можно, конечно же, только о движении и свете, но никак о покое и тьме. И если "все равно, про кого говорить", почему бы не поговорить о себе? Видимо, время для этого пришло.

Мемуарист из меня никудышный: я никак не мог найти подходящую форму, а главное — последовательность изложения. Я перелопатил кучу разных мемуаров, поражаясь изобретательности авторов, но не решился заимствовать, а избрал железобетонный метод — строгой последовательности и соответствия хронологии, то есть что было раньше, то и раньше вспоминается...

I. Исток первый. Самые древние наши фамильные сведения касаются моего прапрадеда по материнской линии. Впрочем, никаких документов я не видел, так что это можно считать семейным преданием. Согласно этому преданию, Иван Никифорович Фоканов был просто рожден солдатом. Он проявлял чудеса храбрости еще поручиком, принимая участие во взятии Ташкента генералом Черняевым в 1865 году. Генерал по достоинству оценил эту храбрость, и прапрадед стал стремительно взбираться по служебной лестнице, достигнув в конце концов полковничьего чина и обеспечив своих потомков дворянским званием. Немаловажно, что при этом, как сообщает предание, он ^{никогда не} пользовался локтями для отпихивания конкурентов.

Москвич по рождению, Иван Никифорович почти не бывал в Москве, участвуя в больших и малых войнах /в частности, в русско-турецкой/ и выйдя в отставку уже после смерти императора Александра III в 1894 году. Однако он как-то сумел произвести на свет полдюжины дочек

одного сына - Никифора.

Единственный сыночек не стал папиной гордостью: любил карты, кутежи и женщин. Однако, когда отец определил его в жандармерию, он не возражал и даже сделал карьеру /стал подполковником/. И все же, когда героический Иван Никифорович отправился в Хамовники в гости к графу Толстому, которого знал еще по турецкой войне, он пригласил с собой не сына, а маленького внука Семена. Прадед мой погиб, хотя в войнах и не участвовал: его сразила пуля большевистского "дружинника" в 1905 или в 1906 году на той самой Пресне, которая многозначительно зовется Красной.

В 1896 году у braveго жандарма родился сын Семен, мой дед. Я его не застал в живых, а потому знаю о нем по рассказам бабушки и матери. Получив образование, дед в самый революционно-расстрельный 1918 год вдруг уехал из Москвы в Тульскую губернию - учительствовать в деревне. Там он вскоре обзавелся семьей: женился на простой крестьянской девушке. Однако большевистская власть вскоре лишила Семена Никифоровича права преподавать, поскольку признала в нем "враждебный пролетариату элемент".

Супруги Фокановы оставили деревню и переехали в Москву. Дед научился столярничать, играть на гармошке и пить водку. Евфросинья Евстигнеевна поступила на службу в аптеку. Жили в небольшой квартире, где было четыре или пять отдельных комнат, довольно немаленьких. Одну из этих комнат супруги и заняли. Квартира находилась в двухэтажном доме, стоящем посреди двора между более высокими домами. Из двора вели два выхода-арки: один на улицу Богдана Хмельницкого /Маросейку/, другой на Большой Комсомольский переулок /Златоустинский/. В двух шагах была Ильинская площадь, а от нее - рукой подать - Красная площадь и Кремль.

В этой квартире, в этой комнате родились моя мать и ее сестра Мария, туда же после родов меня принесли мать и отец. Семен Никифорович и Евфросинья Евстигнеевна жили мирно и тихо. 24 сентября 1926 года у них родилась дочь Валентина, в 1930 году - вторая дочь Мария. Супруги работали, заботали, заботились о дочерях, дед потихоньку попивал, бабка его нежно журила. Дочки пошли в школу, а тут и война. Моя мать, оставив девятый класс, пошла работать на Центральный Телеграф. По ночам, во время налетов, она лезла на крышу тушить фугасы-зажигалки.

Когда война откатилась уже далеко на Запад, Валентина закончила какие-то специальные курсы и стала работать в Институте акушерства и гинекологии. В 1949 году умер мой дед Семен Никифорович. Бабушка Фрося пережила его надолго: она скончалась от рака матки в 1973 году. Бабуля часто болела, ее мучила астма, на руках периодически появлялась экзема. Но она мужественно переносила все эти напасти и никогда не жаловалась. Она была человеком верующим, а потому считала, что все болячки – испытание Господне.

Кажется, в 1970 году тетка и бабушка получили, наконец, отдельную квартиру на втором этаже многоэтажки. Квартирка была очень хорошая, и женщины все никак не могли нарадоваться. Можно сказать, что она тоже была в центре – на Разгуляе, рядом с Богоявленским собором "на Елохове", который был тогда кафедральным собором города Москвы.

Тетка Мария была ленивой, неряшливой и бесшабашной. Очень любила посмеяться, хотя юмор воспринимала только самый простейший, без затей. Прожив всю жизнь в одиночестве, она была очень эгоистична, заботилась исключительно о себе, хотя даже этому иногда мешала ее патологическая скупость: дорогие, хотя и очень нужные ей лекарства она никогда не покупала, а однажды серьезно отравилась какими-то таблетками с давно просроченной годностью. Она все откладывала и откладывала деньги, хотя пенсия у нее была мизерная. Поэтому питалась она кое-чем и кое-как. Скончалась она в июле 1996 года от сердечного приступа.

Свою "московскую" бабулю я очень любил. Хотя мы и переехали из Москвы в Запорожье, я бывал на родине каждый год, а то и по два раза в год. В детстве бабушка мне рассказывала множество сказок – своим тихим, певучим голосом, с характерными тульскими диалектизмами. Пожалуй, первые религиозные чувства /пусть неосознанные/ появились у меня именно благодаря ей.

2. Исток второй. Мой дед по отцу, Платон Александрович Кирюта, родился в 1895 году в городе Белая Церковь под Киевом. Кстати, он утверждал, что на местном диалекте "кирютой" называли вид шляхетской казачьей одежды, что доказать я, конечно, не берусь. Совсем мальчишкой он пошел в Киев на заработки. Сначала работал в бригаде маляров как мальчик на побегушках, потом сам стал маляром и даже отсылал домой часть заработка.

Дед любил вспоминать прошлое, и находил во мне благодарного слушателя. Вот, например, что он вспомнил о своих выходных днях в бытность его самостоятельным работником. Каждую субботу работники получали жалование за неделю – около пяти рублей. Дед Платон откладывал рубль, чтобы позже отправить домой, в Белую Церковь; еще один рубль он отдавал хозяйке за "угол и стол", еще один рубль предназначался на разные необходимые мелочи, которые покупались по мере надобности, как-то: мыло, кинематограф, книжки, смена белья, цирюльник и стирка. Оставшиеся два рубля дед пропивал "ради воскресенья", то есть покупал понемножку сыра, ветчины или телятины, любимого изюму, а также белую французскую булку и водку. Когда хозяйка приносила воскресный обед – обычно борщ или щи, обязательно с кусочками мяса, если не пост – дед Платон просил у нее блюдечко квашеной капусты и луковицу, и вожделенная "пьянка" начиналась.

Осенью 1914 года мирная идилия кончилась – Платон Кирюта стал матросом Императорского подводного флота. Его лодка участвовала в военных действиях на Балтике, а стояла в Ревеле-Таллине. Из подробностей дедовой флотской службы запомнилось, что в Ревеле, у знаменитой башни "Толстая Маргарита", он встречался с какой-то молоденькой эстонкой. Однако этот интернациональный роман был прерван октябрьскими событиями 1917 года.

В составе матросской "депутации" дед отправился в Петроград, на съезд советов. Надо сказать, что молодой матрос Кирюта уже к тому времени был большевиком. Он с восторгом приветствовал знаменитую речь Ленина, провозглашавшую советскую власть. С этого момента дед больше занимается политикой, чем флотскими делами. Наконец его посылают прямо к председателю Реввоенсовета Республики товарищу Троцкому. Нарком по военным и морским делам направляет моего революционного деда комиссаром на Черноморский подводный флот.

Комиссар Платон Кирюта делил свою судьбу с флотом вплоть до 1926 года, а затем партия вновь его перебросила – на этот раз на организацию гражданской жизни в Александровске-Запорожье и окрестностях. И вот дед ездил по селам и хуторам, доступным и красочным матросским языком говоря на сельскохозяйственные темы. Немало работы оказалось и в уездном городе: из многих церквей дед не закрыл лишь две или три. Одним словом, Платон Александрович Кирюта всерьез связал свою жизнь с этим южным городом. Мало того, благодаря ему с Запорожьем оказались связаны жизни его сына и внука.

В этом же городе дед нашел свою судьбу, Прасковью Тихоновну. Она первая уроженка Запорожья /1902 г./ в нашей семье. Баба Паша работала телефонисткой и носила красную косынку. 10 февраля 1928 года она родила бывшему матросу сына Валентина. В середине 30-х годов Платон Александрович вошел в состав исполкома областного совета. Баба Паша оставила работу и целиком сосредоточилась на сыночке Вале. Думаю, что некоторая доля инфантильности, присущая отцу, имеет свои корни именно в этом факте. Валентин был мальчиком спокойным и послушным, слово матери довольно долго было для него законом.

Когда началась война, баба Паша с тринадцатилетним Валей, как семья ответственного работника, были эвакуированы в Сталинград. Дед Платон тем временем воевал в инженерных /саперных/ частях, выполняя обязанности политрука. Немец дошел и до Волги, и бабка с отцом переехали в Сибирь, в шахтерский город Ленинск-Кузнецкий посреди Кузбасса. Валя продолжал учебу, успешно продвигаясь к окончанию школы. Это было возможно еще и потому, что Прасковья Тихоновна пошла работать в шахту /толкали вагонетки/ и зарабатывала очень неплохой паек. Валентин не стал белоручкой: все домашние хлопоты он взял на себя, понимая, насколько тяжел труд его матери.

После войны Кирюты вернулись в Запорожье без Валентина. Едва получив аттестат зрелости, этот, казалось бы, маменькин сынок, не долго думая, окунулся в самостоятельную жизнь, да еще и в чужом огромном городе - Ленинграде. Он очень удачно поступил в институт стали и сплавов, и уже готовился с отличием закончить его, как был по так называемой "комсомольской путевке" переведен на учебу в Высшую Школу КГБ. Пришлось отцу менять не только Ленинград на Москву, но и инженерную работу на контрразведку. Едва закончив Школу и получив первые две звездочки, кный лейтенант Валентин Кирюта влюбился в медработника Валю. Последовал довольно длительный период ухаживания, увенчавшийся в 1950 году скромной свадьбой.

Кирютам-старшим суждено было сыграть в моей жизни довольно важную роль, и мы с женой сохраняли благодарное чувство к деду с бабкой до самой их смерти. Когда мы остро нуждались в отдельной крыше над головой, старики отдали нам свою прекрасную квартиру, переехав к моим родителям, что само по себе уже нечто вроде самопожертвования. Прожили старики довольно долгую жизнь: бабушка умерла в 1983 году, а дед - в 1988, то есть когда им было соответственно 81 и 93 года. Однако не станем забегать вперед.

3. "В законе". Родителей не выбирают - тем более не выбирают родителей жены. Какие уж есть! Они нам нужны не по каким-то высшим соображениям, а исключительно из-за связи с жизнью самого дорогого мне человека. Значительно позже у меня появился еще один бесконечно дорогой мне человек, но, к счастью, его родители существуют теперь лишь в воспоминаниях. Англичане, со свойственной им конструктивностью, не придумывали десятков терминов для определения родства, как-то: "теща", "свекор", "шурин", "невестка". Они говорят просто "мать в законе" /то есть женщина, ставшая матерью не по родству, а по закону/, "отец в законе", "брат в законе" и т.д.

Мой "отец по закону" Михаил Кузмич Винников родился 1 января 1928 года на Северном Кавказе. Его предки были терскими казаками, и это стало темой живописнейших рассказов во время и после наших совместных обедов. В самом тесте, впрочем, ничего такого особо "казацкого" я не находил. Разве что склонность к "стопочке". Михаил Винников сразу после войны получил диплом инженера и был распределен на крупное сибирское предприятие. Там же он и женился.

"Мать по закону" Людмила Никандровна /родилась 4 июля 1928 года/ уже обладала к этому времени печальным жизненным опытом: в годы сталинских репрессий против видных военачальников был расстрелян ее отец. Мать отправили в лагерь, а детей раздали в специальные интернаты для детей "врагов народа". Она играла на пианино, и большую часть своей жизни работала музруководителем в детских садах. Теща очень быстро подчинила себе мужа, и он почти всегда поступал по ее указке. Но, как уже было отмечено, нам оба Винниковы нужны здесь только из-за одного факта: 10 апреля 1952 года у них родилась дочь Альбина, моя будущая жена, спутник моей жизни и моя вечная любовь.

Родилась Альбина в небольшом городе Ачинске Красноярского края, в самом центре Сибири. Но тестю предложили работу на Запорожском титано-магниевом комбинате на должность начальника главной лаборатории комбината, так называемого "цеха № 17". Семья переехала на Украину и поселилась в большой квартире 3 дома 34 по улице Рекордной, где проживает и по сей день с завидным постоянством.

М Л А Д Е Н Ч Е С Т В О

4. Рождение. Насколько мне известно со слов бабки и матери, мое рождение ничем сверхъестественным не отличалось. На небе не загорелась новая звезда, волхвы с дарами не появились, а вместо еврея Ирода царствовал грузин Сталин. Произошло это 30 июля 1952 года в Москве, на Чистых Прудах. Баба Фрося рассказывала, что, когда у мамы начались схватки, она подхватила дочь под руку и пешком повела ее... на работу, то есть в Институт акушерства и гинекологии, который находился в нескольких кварталах от дома, прямо на Чистых Прудах.

Роды были ординарными, без осложнений, и уже через три-четыре дня счастливый молоденький лейтенант КГБ Валентин Кирюта отвозил домой на специально выделенном Лубянской автомобилем жену Валю и сына Сереженьку. Поскольку офицерам ГБ квартиры выделялись чрезвычайно скупо, отвезти пришлось на Маросейку, дом 9. Комната, пусть и не маленькая, приютила теперь пятого жильца — в добавку к двум Фокановым и двум Кирютам. Одно радовало: у малыша было достаточно нянек.

С биологической точки зрения ничего особенного не произошло. Самый шустрый сперматозоид оплодотворил яйцеклетку, и плод, нормально развивавшийся внутриутробно, столь же нормально покинул материнский организм. Но ведь дело-то в том, что этот плод — Сергей Валентинович Кирюта, то есть я. А здесь уже пора поискать какие-то особенности, тонкости и оттенки.

Не то чтобы я намекал на какие-то физические аномалии, как-то: шесть пальцев на руках и ногах, три яичка или один глаз. Но не могу избавиться от чувства, что, ежели сейчас я осознаю себя личностью, значительно отличающейся от окружающих меня людей, то и при самом рождении должны были быть хоть какие-то знаки. Правда, мы уже знаем, что ни Рождественской звезды, ни волхвов не было. Согласитесь, однако же, что, если бы они были, это было бы несколько слишком. Остается удовлетвориться тем, что Иосиф-Валентин и Мария-Валентина не имели надобности бежать куда-то в Египет.

Но, если следовать законам человеческого развития, до сформирования целостной личности надо предположить определенный временной отрезок, достаточный для этого непростого процесса. Сейчас я уже ясно вижу: я взвалил на себя очень тяжелую задачу — показать этот процесс изнутри, подробно и ясно. Что касается ясности, то здесь придется ограничиться тем уровнем, который реально достигим, поскольку зачастую мне и самому не все и не всегда ясно.

Теперь обратимся к вопросу о поле. Не скрою, своим полом я остался доволен. Ну в самом деле, разве можно представить себе, что мысли, кипящие у меня в голове подобно червям, стали бы "кишеть" в хорошенькой женской головке? Это абсолютно исключено. К тому же чисто гуманное чувство напоминает мне о физических и моральных мучениях, которых я не пожелал бы и врагу — не говоря уж о маленькой хрупкой женщине.

Словом, рождение состоялось, не сопровождаемое никакими аномалиями. Тем более фатальным кажется то, что произошло вскоре после рождения — едва мне исполнилось полтора года.

5. Болезнь. Итак, полуторагодовалого Сережу Кирюту ждало жестокое испытание коварной и очень опасной болезнью — полиомиелитом. Приятном недуге поражается нервная система, главным образом серое вещество спинного мозга. Полиомиелит в тяжелых случаях характеризуется также параличами. Мать вспоминала, что, увидев своего мальчика в окне больницы, она сразу же отметила улыбку одной стороной рта.

Парализовало меня только частично: левую сторону тела. Движения левой руки были ограничены до минимума. Должен заметить, что в то время исход болезни чаще всего был печальным: оставшийся в живых ребенок оставался и навсегда парализованным. Мне несказанно повезло, и я стал одним из первых советских детей, полностью излечившихся от полиомиелита безо всяких осложнений и последствий.

Интересно, что только недавно я узнал, что полиомиелит — ^иинфекционное заболевание, и заболевает человек, пораженный вирусом. От кого мог заразиться младенец Сережа Кирюта? Как только у меня выявили этот страшный недуг, я немедленно был изолирован, а квартиру подвергли дезинфекции. Любопытно, однако же, откуда взялся этот вирус? Дольше всего он живет в воде и молоке, но при кипячении 10–15 минут погибает. Вот я и думаю сейчас: а кипятили ли для меня воду или молоко так долго?

Впоследствии я болел не часто. Мать хранила меня от всяких гадостей, а лечила в основном от головной и зубной боли да от расстройства желудка. Лишь в зрелом возрасте на меня стали обрушиваться всякие напасти. Вот и сейчас лежу с температурой и гагаю: то ли это обычная простуда, то есть просто чепуха, то ли составляющая какой-то более сложной напасти, от которой за два-три дня не избавишься. Самое скверное, что оба варианта имеют примерно равные шансы оказаться реальными.

Маленький Сережа, едва успев родиться, уже нес страдальческий крест. Было ли это первым испытанием Г₀сподним?

6. А тем временем... Мне было семь месяцев, когда, ко всеобщему ужасу, скончался Сталин. Мать рассказывала, как она просто рвалась на церемонию прощания в вождем в Колонный зал Дома Союзов, но отец и бабка удержали. Теперь широко известно, что тогда в образовавшейся давке погибло много людей. Так или иначе, в жизни страны произошел крутой поворот.

Тогда это, естественно, осознавали очень немногие. Прошло так мало времени, а вся страна, по существу, обновилась. Таким образом, я родился как раз в период кардинальных изменений, затронувших все общество. Это всегда бывает интересно и сулит определенные перспективы талантливым людям. Недаром короткая по времени "оттепель" породила такое количество талантов, блиставших все последующие годы, но впервые блеснувших именно тогда. Сравнивая объективные потенциалы отца и сына Кирят, любой отметит, что отец Валентин просто исторически не мог иметь столько возможностей, сколько появлялось у сына Сергея.

Ну, а пока шел 1954 год. Всемогуший Берия канул в вечность, благодарение Богу и Жукосу. Хрушев немедленно приказал "почистить" органы. Было необходимо, чтобы они, сохраняя прежнее могущество, были вполне управляемы партией верхушкой, неким узким кругом. Не все чистоты правильно поняли словечко "почистить". При Сталине оно означало "расстрелять", "отправить в Сибирь" или просто подальше, без экзекуций.

Исно было одно: в московской конторе КГБ должны были сесть новые люди, а не те, кто был посажен Берией или при Берии. Молодой лейтенант Валя Кирята никакого отношения к Берии не имел, и поэтому его не арестовали, не уволили, а лишь претывали синсом гого-

дов, в которых управления КИБ были неудокомплектованы. Среди этих городов значилось и Запорожье. Отец считал, что обосноваться недалеко от родителей было бы неплохо, и судьба нашей семьи была решена.

Итак, расставаясь с Москвой, отец ожидал встречи с родным, хоть и несколько подзабытым городом. Мать же, оставляя родную Москву, отправлялась в "хохлацкую глушь", известную только своим Днепротесисом. Тут впоследствии было немало коллизий: мать раза три срывалась с места и уезжала с сыном в Москву. Отец немедленно отправлялся за ней, создав себе в своей "конторе" не слишком завидный имидж. Через два-три дня все семейство вновь водворялось в Запорожье.

К чему же мать никак не могла привыкнуть? Левобережная часть прилегающей к Днепротесису территории была застроена вполне современными домами, где были все удобства, да еще и удачная внутренняя планировка. Были построены дома в форме букв "С" и "Т": задумано было, конечно, "СТАЛИН". Но к этому времени партия сказала, что Сталина можно уже не любить, и это сочетание "СТ" так и осталось безо всякого продолжения. Улицы были широкие и довольно чистые. Перекресток проспектов Ленина и Сталина /ныне Metallургов/ вовсе выглядел как кусочек Европы.

Остальная часть города была малоэтажная и маловыразительная. Собственно, это был прежний Александровск, без затей и изменений. Именно там лейтенант Кирюта и получил жилье. Жильем оказалась большая комната в квартире на три хозяина, где мы прожили лет пять-шесть, и откуда я впервые отправился в школу. Один наш сосед был совершенно нелюдимый человек, не оставивший в моей памяти не только калоши, но и запаха. Зато как раз напротив нашей двери была дверь семьи Потоцких, с которыми нас всех связывала, и довольно долго, сердечная дружба. Иван Яковлевич был офицером милиции, и у него с отцом нашлись какие-то "общие интересы". Подружились и дамы, как это ни странно, потому что "общего" у них, по-моему вообще не было. Тем не менее!

Но самой долгой и самой крепкой дружбой была дружба Сережи Кирюты и Вити Потоцкого. Так уж получилось, что самый первый в жизни друг стал и самым близким на долгие годы. Дружбу нашу прерывала лишь его смерть. Мы надолго расставались: я укатил в длительную заграничную командировку, Витька получил интересную работу и квартиру в Харькове, но наша связь никогда не прерывалась. Имея малейшую возможность увидеться, мы ее всегда использовали.

Для моей матери существовал еще один "запорожский фактор" – Кирюты-старшие. В Москве отец относился к теще хоть и несколько свысока, но вполне терпимо. Он вообще обращал на нее очень мало внимания. Такова уж была природа моей бабули. Совсем другое дело – взаимоотношения моей матери и Кирют-старших. Дед Платон, правда, здесь не в счет – ему понравилась молодая красивая женщина, ставшая женой его сына и матерью его внука.

А вот бабке Прасковье невестка не понравилась. Смазливая москвичка понятия не имела, как приготовить борщ или вареники.. Кулинарное искусство моей матери в то время было действительно бедненьким. Это было постепенно преодолено, и мать стала готовить едва ли не лучше свекрови, чем опять же несколько возбуждала против себя. А в то время между ними сохранялся постоянный холодок.

Д Е Т С Т В О

7. Детский сад. Несколько довольно живых воспоминаний осталось мне о детском саде. Ходил я в садик не очень долго, около года. Витька Потоцкий был настоящим аборигеном детсада, потому что тетя Тамара пошла работать уже в 1955 году. Моя же мать, поискав недолгое время работу, оставила это занятие и осталась домохозяйкой. Ходить в садик мне было вовсе необязательно.

Однако в садик меня все-таки определили. Он находился недалеко от нашего дома на Коммунарской. В мой последний дошкольный год мы ходили в сад вдвоем, без провожатых: тетя Тамара доверяла моей матери, а она доверяла своему шестилетнему сыну. Витька, хоть и был лишь на полгода младше, мое фактическое лидерство воспринимал вполне нормально.

Нервным он становился лишь тогда, когда кто-то вмешивался в его игру или просто ее останавливал. Не жалел Витька никого, даже меня. У меня до сих пор на лбу есть маленький шрам. Это след от удара лопаткой: Витька не стал себя сдерживать и изо всех сил засветил мне по лбу детской лопаткой. Пошла кровь. Поскольку дело происходило в нашем дворе, немедленно показалась мать, чуть попозже – тетя Тамара, и начался "разбор полетов".

Первое время мы с Витькой были рядовыми воспитанниками. Однако, когда дядя Ваня достал нам настоящие бескозырки, ситуация несколько изменилась – мы вдруг стали популярны, как кинозвезды.

Витьке это настолько понравилось, что поначалу на "тихом часе" он собирался улечься в постель прямо в бескозырке.

Вспоминается глубокомысленный разговор с Витькой о политике. На стене детсада висели два больших портрета Ленина и Сталина. Несмышлениш Витька поинтересовался, какой из дедушек лучше. Похоже, Витька собирался определить это по качеству самих портретов. Я, как более искушенный, прервал его сравнительные исследования и заявил, что вот этот. ~~Правильно было бы сказать, что это был хороший комментарий~~ Комментарий был блестящим: этот дедушка, с усами, только раньше был хорошим, а теперь стал плохим. Что же касается лысого дедушки с бородкой, то он как был хорошим, так им и остался.

Конечно, мы старались уловить, о чем беседуют старшие, и воспринимали это по-своему. Помню, меня страшно заинтриговал "спутник". Это слово было у всех на устах, и мне представлялся какой-то маленький дядька с длинными, таинственно спутанными волосами. Настоящий вид спутника /шар с усиками антенн/, изображенный моей мамой на листочке бумаги, понравился мне даже больше. Известие о том, что же спутник послали куда-то очень и очень далеко, сильно тревожило, пока не пришел с работы дядя Ваня. Он, похоже, отмечал начало космической эры с помощью не только водки, но и какого-то вина, и пива, и ликера, и даже бальзама, а поэтому кратко высказался, что спутник послали на хер.

Мы с Витькой сразу же успокоились, потому что знали, что это не так уж далеко: во дворе дядьки-доминошники посылали туда и друг друга, и прохожих. Но никто надолго не исчезал. Значит, успевали ~~идти~~ очень скоро вернуться.

Еще одно яркое воспоминание - проезд в садик фотографа. Поначалу когда он делал обычные "официальные" снимки, это было неинтересно. Но потом, когда он начал что-то придумывать, это захватило. Особенно игра "замри": дети беспорядочно бегали, прыгали, съезжали с горки, лезли на шведскую стенку, но, стоило им увлышать команду "замри", обязаны были остаться в той же позе и в том же месте, где их застала команда. Дальше шла работа фотографа. Было очень интересно и весело, о чем могут свидетельствовать сохранившиеся у меня фсто.

8. Школа-1. /1959-1965/. Мне довелось учиться в трех запорожских школах: № 1, 29 и 28. Первая школа находилась рядом с нашим домом на Коммунарской, на углу ул. Грязнова и Дзержинского. Школа, честно говоря, была старенькая, облепленная и неухоженная. Тем не менее 1 сентября 1959 года именно эта школа стала моим первым в жизни учебным заведением. Странно, но в памяти у меня осталось очень мало касающегося школы № 1.

Скажем, имени свое первой учительницы, как и большинства последующих, я не помню. Зато почему-то помню неприятный холопок страха, когда весь наш 1-Б сняли с занятий для осмотра зубов приехавшей бригадой стоматологов. Я до ужаса боялся этого осмотра, и удалось его избежать. Когда подошла моя очередь, я расположился в роковом кресле ни жив - ни мертв, а врач, едва отметив меня в своем списке, был призван на директорский чай. Оставленный в одиночестве, я внимательно осмотрел инструменты и бор-машину, и сбежал через окно. В страшный кабинет меня никто больше не вызывал: фамилия-то уже была отмечена.

Летом 1960 года старший лейтенант Кирюта получил не только третью звездочку, но и настоящую, отдельную квартиру. Она находилась рядом с телецентром, на улице Каменогорской 2, кв.50. Мы прожили там довольно долго. Квартира наша была так называемой "трехкомнатной распашонкой": из гостиной направо была спальня родителей, а налево моя комната.

Школа № 39, куда были переданы мои документы, находилась совсем рядом, на той же улице Каменогорской. Я учился там семь лет, со второго класса по восьмой. Воспоминаний, конечно, осталось гораздо больше, чем от первой школы. Новые знакомства были на редкость удачными и долгосрочными. Так, моим одноклассником и одновременно соседом по дому стал Володя Цыбульский. Он жил в первом подъезде, а я в третьем. Некоторое время спустя он стал мне так же близок, как и Витька.

Моя вторая школа была размером побольше первой. Это типовое школьное здание пятидесятых годов, с просторными классами, с актовым залом и спортивным залом. Правда, школьное начальство почему-то пристрастилось ко всяческим линейкам во дворе школы. Как только погода позволяла, залы закрывались. Очень хорошо помню, /это было в 5-м или 6-м классе/ как на линейке 19 мая, посвященной Дню пионерии, произошло ЧП. День был солнечный, душный и безветренный.

Один парнишка из параллельного класса получил самый настоящий солнечный удар – рухнул на асфальт, как подкованный.

Вообще же учителя наши никакими вампирами не были. Начиная с 4-го класса наше ученическое внимание было неизменно занято тремя фигурами. К сожалению, запомнилось имя только русиста Риммы Захаровны. Она тщетно пыталась привить любовь к литературе именно мне. Это было крайне трудно, потому что мы интуитивно чуяли, что школьный курс литературы – полухудожественная иллюстрация к незабвенному "Краткому курсу истории ВКП /б/".

Еще две учительницы остались без имен. Правда, наша математичка имела подпольную кличку Тактакишвили, потому что ухитрялась за 45 минут урока 97 раз произнести слово "так". Отбросив аксиомы и теоремы, мы супоением подсчитывали эти "таки", надеясь на побитие рекорда. Вторая учительница думала, что учит нас украинскому языку и литературе, хотя на самом деле она не могла учить по причине своей слепоты. Весь класс занимался на уроке своими делами, чего учительница видеть не могла, несмотря на толстенные очки-велосипед а ля Остап Вишня. Зато у нее была выдающаяся грудь – настолько выдающаяся, что по лестнице ей приходилось спускаться боком: из-за груди ступеньки были не видны. Пацаны всегда с восторгом наблюдали за процессом ее торжественного нисхождения.

Глядя на фотографии второго-седьмого классов, я припоминаю имена лишь некоторых своих одноклассников. Володя Цыбульский не в счет, хотя в ту пору особой дружбы у нас не было. Помню эпизод, когда я /скорей всего, интуитивно/ встал на его сторону: его третировали два близнеца из соседнего дома, папа которых, знаменитый горновой, воспитывал их в духе самого махрового антисемитизма. Они повсюду ходили за Вовкой, бессмысленно повторяя: "Эй, жидок, вонючий задок, пойдди помойся и успокойся". Володька был тогда маленьким и худым, но близнецы вообще были тшедушными, поэтому я без труда их отгонял. Но больше всего меня поразила надпись, сделанная масляной краской на двери Цыбульских: "ЖИДЫ". Это было мое первое столкновение с антисемитизмом.